

ПАТРИЦИЯ МЭТЬЮЗ

Сердце Язычницы

Шарм (АСТ)

Патриция Мэтьюз
Сердце язычницы

«Издательство АСТ»

1978

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Мэтьюз П.

Сердце язычницы / П. Мэтьюз — «Издательство АСТ»,
1978 — (Шарм (АСТ))

ISBN 978-5-17-153371-7

Жизнь гавайской метиски Лилиа Монрой внезапно меняется, когда ее силой увозят в далекий Лондон к богатой белой бабушке, где красавице предстоит нелегкая жизнь в высшем свете, в окружении зависти, сплетен и презрения к ее смешанной крови. Между тем и хищные родственники, охотящиеся за деньгами бабушки Лилиа, и кое-кто на ее родных островах готовы на все, чтобы девушка бесследно и навсегда исчезла. И единственный, кто приходит на помощь Лилиа, – мужественный и отважный Дэвид Тревелайн...

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-153371-7

© Мэтьюз П., 1978

© Издательство АСТ, 1978

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Патриция Мэтьюз

Сердце язычницы

© Robert Thixton, 2020

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Глава 1

С самого полудня барабаны отбивали ритм, похожий на биение гигантского сердца, ритм, на который нетерпеливо откликалось все существо Лилиа.

В полумраке хижины девушка была совсем одна, ее мать и другие женщины удалились, как только приготовления к свадебному обряду были завершены. Волосы и все тело Лилиа, щедро умащенные благовониями, маслянисто блестели, наготу прикрывала лишь новая капа, сотканная матерью для предстоящей церемонии.

Благодаря всем этим хлопотам девушка чувствовала себя как никогда прекрасной и полной жизни. Она молча ждала, лишь иногда бессознательно склоняя голову то к одному плечу, то к другому, чтобы ощутить шелковистое прикосновение своих волос, тщательно расчесанных и свободно падавших до самых бедер по обнаженной золотисто-смуглой спине.

Сквозь плетеные стены хижины проникал упоительный запах жареной свинины, и Лилиа жадно вдыхала его, хотя ни в прошлом, ни в этот день ей не разрешали отведать это кушанье. И свинина, и белое мясо акулы – табу для женщин.

И все же Лилиа знала дивный вкус жаркого. Ей не раз случалось тайком попробовать мясо и рыбу, и вовсе не из чувства голода, а из желания бросить вызов многочисленным табу. Большая часть их касалась только женщин, осложняя их жизнь и лишая множества удовольствий, доступных мужчинам. Нарушала табу не только Лилиа, но и ее наиболее дерзкие подруги, несмотря на то что ослушание грозило тяжким наказанием, а порой и смертью.

Мужчины и их табу!

Мысли девушки невольно переключались от мужчин в целом к одному из них, Коа. Через несколько часов она станет его женой и будет счастлива. Плечи Коа так широки, что он вынесет тяжелое бремя власти, а руки достаточно сильны, чтобы побеждать в схватке с врагом и крепко обнимать ее. Эту ночь они проведут на ложе в хижине отдохновения...

При мысли об этом девушка радостно встрепенулась. Воистину боги милостивы к ней! Лилиа станет женой алии нуи, вождя и военачальника, ведь она и сама царственной крови. Ее мать – дочь вождя, да и отец был не из простых в тех местах, откуда явился на остров Мауи. Это означает, что союз с Коа угоден богам, поэтому они пошлют ей красивых здоровых детей, и сильная линия повелителей продолжится...

Дверь открылась, легкий сквозняк всколыхнул неподвижный воздух, запах благовоний усилился. Лилиа подняла голову и улыбнулась матери, чья высокая полная фигура заполнила почти весь дверной проем. Акаки ответила широкой радостной улыбкой.

– Готова, дитя мое?

Лилиа молча кивнула.

– Вот свежие цветы.

Акаки тяжело опустилась на колени, вынула чуть подвявший белый цветок из волос дочери и заменила его другим, а точеную шею украсила гирляндой, источавшей нежный, волнующий аромат. Сделав Лилиа знак подняться, она потуже затянула на ее тонкой талии новую капа и, наконец, протянула что-то на раскрытой ладони. Девушка увидела искусно вырезанную из дерева женскую фигурку на тонком кожаном ремешке.

– Это Пеле, – тихо сказала Акаки. – Она принесет тебе счастье и удачу – так же как моей матери и мне.

Девушка порывисто обняла ее и прижалась щекой к щеке в безмолвной благодарности. Когда она отстранилась, глаза ее были полны слез.

– И да буду я достойной женой и матерью, чтобы ты могла гордиться мной.

Акаки снова обняла дочь, благословляя ее, и они покинули хижину. После полумрака, в котором по обычаю, невеста ожидала брачной церемонии, ранний южный вечер казался ослепительно ярким.

Лилиа ступила в свадебную лодку, разубранную гирляндами благоухающих цветов. Когда весла опустились в воду и судно не спеша отошло от берега, девушка испытала великое счастье и гордость. Да и могло ли быть иначе? Ведь она уплывала к прекрасному будущему, сулившему ей любовь Коа и почетную долю супруги вождя.

В назначенном месте гребцы подняли лодку на весла и понесли. Поскольку это было тяжелое, громоздкое сооружение из целого китового остова вместе с ребрами, для его переноски понадобилось восемнадцать крепких воинов. Лилиа гордо восседала рядом с матерью, по обычаю делившей ее триумф.

В стороне от смуглых золотокожих островитян стояли двое белых – единственных белых на всем острове.

– Это надо же: такие церемонии ради какой-то туземной сучонки! – вполголоса заметил худощавый. – Что скажете, ваше преподобие?

– Что не выношу бранных выражений, мистер Радд, – отозвался Исаак Джэггар.

– Если вы так пылко выступаете в защиту этой девчонки, то почему бы вам не поучаствовать в их языческом ритуале? – язвительно осведомился Эйза Радд.

– Несмотря на низкую мораль и неверие в Господа нашего, Лилиа Монрой остается созданием Божиим. Кроме того, туземная женщина все-таки женщина, мистер Радд, поэтому заслуживает уважения.

– Ах, ах! Куда нам тягаться в споре, ваше преподобие! – рассмеялся худощавый. – Уж вы и штучка!

Исаак Джэггар передернулся, но промолчал. Он считал Радда человеком вульгарным и к тому же безбожником, но ему приходилось мириться со столь неподходящим обществом, раз уж тот хоть отчасти сочувствовал делу обращения язычников к Богу. Более всего Джэггару претил противный кудахчущий смех Радда, которым он раздражался по любому поводу.

Этих мужчин, ни в чем между собой не схожих, связывала только общая цель. Радд, невысокий и тощий, отличался поразительной подвижностью. Очень темный загар дополнял его сходство с тараканом. По типу он походил на лондонского прощелыгу. Джэггар, нескладный и угловатый, словно состоял из крупных тяжелых костей и выпирающих сочленений. Даже его крупный нос резко выдавался вперед на угрюмом лице. Двигался он неуклюже и медленно и через слово сыпал цитатами из Библии. Зато Радд говорил на жаргоне лондонских низов.

– Где же все-таки Лопака? – недовольно спросил он. – Без него нам и шагу не ступить. Он обещал быть...

– И я здесь, Эйза Радд, – прозвучал гортанный голос сзади.

От неожиданности белые вздрогнули и быстро обернулись. Во внезапно наступившей тьме статный могучий туземец выглядел внушительно, почти пугающе. Американец Джэггар, увидев его, каждый раз вспоминал индейцев Великих равнин, ибо меднокожий Лопака с его черными как уголья, пронзительными глазами очень походил на них. В нем ощущалась дикость и скрытая жестокость изголодавшегося волка. Он не ведал сомнений, колебаний и милосердия. Иногда Джэггара смущало, что он заодно с таким человеком. Однако мысль, что пути Господни неисповедимы, успокаивала его. Если только такой союзник поможет добиться цели, значит, на то воля Божья.

Между тем Радд нетерпеливо обратился к Лопাকে:

– Ну что? Все готово?

– Я готов, Эйза Радд, – ответил туземец своим глубоким рокочущим голосом, подчеркнув слово «я».

На его могучем торсе не было ничего, кроме куска ткани, называемого у мужчин мало, но даже полунагой он выглядел величественно.

– Перед самым началом брачной церемонии я подам сигнал воинственным криком. Крикну только раз, поэтому держите уши открытыми.

С этим он двинулся прочь, и вовсе не крадучись, а неторопливым шагом уверенного в своей силе человека. Скоро Лопака исчез из виду, словно растаял в сгущавшемся мраке.

– Чтоб мне пропасть! – не удержался Радд. – От этого типа у меня мурашки по коже!

– Тем больше заслуги в том, чтобы обратить его к Господу, – благочестиво возразил Джэггар.

– Что? Лопак? Да его разве только к дьяволу обратишь!

Подоспел назначенный час.

Лилиа сделала шаг из хижины и оказалась в круге света, отбрасываемого сотней факелов. По другую сторону освещенного круга находилась еще одна хижина, точно такая же, как эта. Оттуда появился Коа. Он выглядел по-королевски в церемониальном плаще и богато украшенном головном уборе. В отблесках света украшения сверкали, как драгоценности.

Воцарилась полная тишина, даже барабаны умолкли, когда молодые люди двинулись навстречу друг другу. Медленно-медленно ступали они под свадебную песнь, которую завел высокий и чистый голос:

Небеса окутаны тьмой,
Тяжелы грозовые тучи,
Темные тучи на небосклоне.
Огненный вспыхнул столб,
И гром раскатился могучий,
Оглушительный гром небесный.
Эхом донесся он до Ку-хаили-ноэ,
До Хаи-лау-ахеа.
Озари, небесный огонь,
Женщину, что была одинока,
Словно горестный крик во тьме.
Она больше не будет одна,
Ей есть с кем делить свое ложе
В холодные зимние ночи.
Радость придет в Ку-хаили-ноэ,
В Хаи-лау-ахеа.
Светлеет небо над Хакои-лани,
Домом отдохновения,
Домом для новобрачных.
Здесь ждет их тихая пристань,
Ждет их гавань блаженства,
Светлый рай на земле...

Короткий крик перебил песню. Резкий и пронзительный, леденящий кровь, он диссонансом ворвался в благоговейную тишину. То был воинственный клич, сигнал к атаке, и Лилиа узнала его, хотя на островах много лет царил мир.

Девушка замерла в нескольких дюймах от своего нареченного, едва сдержав испуганный возглас. Но она отчаянно закричала, когда из темноты позади Коа вылетело оперенное копье. Увы, Лилиа опоздала. Молодой вождь дернулся всем телом, закинул руки за спину,

пытаясь вырвать копье, так глубоко вонзившееся в тело, что окровавленный наконечник вышел из груди.

Взорвавшись криками, толпа бросилась к оседавшему на землю Коа и закрыла его от Лилиа. Девушка, рыдая, попыталась пробиться к нему и на миг увидела, что Коа лежит на земле, но ее тут же схватили и оттащили назад. Ошеломленная случившимся, Лилиа не сразу осознала, как ее увлекли в тень под деревья. Когда же ей скрутили руки и перекинули через чье-то тощее плечо, сопротивляться стало поздно.

Похититель устремился прочь вместе со своей пленницей. Девушка извивалась, но ее держали точно клещами. Лилиа видела, как быстро удаляется круг света, и неожиданно ее охватило предчувствие, что она никогда больше не ступит в него.

Похититель между тем бежал рысцой, шумно, с присвистом дыша. Его тощее плечо причиняло Лилиа боль, но куда сильнее были муки душевные. Ее неотступно преследовало безмятежное, словно спящее лицо Коа. Постепенно девушка впала в тупое оцепенение.

Внезапно похититель остановился и сбросил девушку с плеча так небрежно, что она ударилась головой обо что-то твердое. Погрузившись в беспамятство, Лилиа, к своему счастью, забыла на время о душевной боли.

Очнувшись, девушка не сразу вспомнила, что с ней случилось. Возможно, она забыла бы и о том, как ударились головой, если бы не боль в затылке. Открыв глаза, Лилиа увидела лишь крошечную тьму. Неужели она потеряла зрение?

Девушка лежала на дощатом полу, который слегка покачивался. Как и все островитяне, с детства знакомые с морем, Лилиа хорошо знала ритмичное дыхание широкой океанской груди. Однако на сей раз, она была не в каное. В прошлом девушке приходилось бывать на громадных судах белых людей, поэтому она догадалась, что находится в одной из самых нижних кают, где нет окон и куда не проникает дневной свет.

Ощупав пространство вокруг себя, девушка убедилась, что лежит на койке, не прикрытой даже тюфяком. Спустившись на чуть покачивающийся пол, она шагами измерила размеры своей тюрьмы. Каюта оказалась совсем крохотной, куда меньше хижины, которую Лилиа делила с матерью.

Мысль о матери тотчас вызвала в памяти вчерашние события, а вместе с воспоминаниями вернулась душевная боль. Лилиа бросилась на дощатую койку и закрыла голову руками, едва слышно повторяя: «Ауве, ауве!» – возглас горя и тоски у жителей Мауи.

Суждено ли ей еще раз увидеть мать? А Коа? Коа больше нет, он мертв и для мира, и для нее, предательски убит в спину!

Когда-то Лилиа услышала от своего отца англичанина Уильяма Монроя такие слова: «Дорогая моя, говорят, что человеку кроткому и добродетельному воздастся сторицей. Я бы сказал, это всего лишь теория. Она может воплотиться для тебя в жизнь, но если нет, не вини за это меня».

Ироничный Уильям Монрой за словом в карман не лез и частенько говорил горькие истины, однако у него было доброе и любящее сердце. Лилиа свято верила всему, что слышала от него и от матери, не раз повторявшей: «Наш народ придуман много нелепых табу, доченька, особенно для нас, женщин. А по мне, есть два главных закона жизни: не совершать того, чего будешь стыдиться, и не причинять вреда другим».

И Лилиа жила все семнадцать лет, следуя этим неписаным законам. Ни разу она не совершила постыдного поступка и, кажется, никогда еще не причинила никому вреда. Так же жил и ее избранник, красивый и добрый Коа, и все же его убили, а ее похитили в ночь свадьбы!

Долго без слез оплакивала Лилиа свою утрату, пока в двери не заскрежетал ключ. Услышав этот звук, девушка села, обхватив колени руками.

На пороге она увидела мужчину, который, держа над головой масляный светильник, знакомым движением раскачивался на пятках. Когда Лилиа догадалась, кто это, сердце у нее

упало. Свет, упавший на лицо мужчины, подтвердил ее догадку. То был Эйза Радд, тот самый белый, что дважды подходил к ней за прошедшие недели, выражал желание познакомиться поближе. Его манеры, развязные и наглые, оттолкнули девушку, поэтому каждый раз она поворачивалась к нему спиной.

Заметив ее реакцию, Радд гадко расхохотался.

– Что, принцесса, узнала? Я говорил, что легко от меня не отделаться! Когда со мной не хотят разговаривать, я добиваюсь своего, так-то вот!

– Зачем я здесь, Эйза Радд?

Тот поднял светильник еще выше, чтобы свет упал на полуобнаженное тело Лилиа.

Как и все туземные женщины, она носила только кусок ткани, завязанный на талии. Верхняя часть тела оставалась открытой. По понятиям белых, такая одежда была непристойной, но жители Океании пренебрегали мнением чужеземцев. Они не стыдились своего тела, тем более если были хорошо сложены. И уж если кто и мог гордиться своим стройным телом, так это Лилиа. Впрочем, девушка не отличалась тщеславием, хотя и сознавала, что у нее безупречно чистая кожа, стройные длинные ноги, округлые бедра и высокая грудь. Роскошные, как у Акаки, волосы Лилиа темными волнами ниспадали ниже талии, лишь черты лица выдавали в ней полукровку.

У туземок были несколько приплюснутые носы, широкие ноздри, слишком полные, на взгляд европейца, губы и черные, как южная ночь, глаза. Все это смягчила кровь Уильяма Монроя. У Лилиа был прямой аристократический нос, полные, изысканно очерченные губы и удивительный цвет глаз. Восхищенный европейец назвал бы его медовым.

Угадывая в пристальном взгляде Радда что-то оскорбительное, но не умея определить, что именно, девушка поднялась с врожденным достоинством. Тревогу ее выдавали лишь пальцы, сжимавшие резную фигурку – подарок матери. Наконец девушка поняла, что впервые испытывает стыд под мужским взглядом.

Радд направился к ней. Его намерения не внушали сомнений.

– Чтоб мне пропасть, ты лакомый кусочек, девочка!

Страх Лилиа усилился, но она выпрямилась, расправила плечи и гордо вскинула голову.

– Посмей только коснуться меня, Эйза Радд! Клянусь Пеле, ты пожалеешь об этом!

Он замешкался, поскольку помнил, какую силу и ловкость выказывала Лилиа во время состязаний туземной молодежи. Девушек она побеждала всегда, а в заплывах обгоняла и юношей, что не так-то легко в высоких волнах прибоя.

– Я человек деловой, – сказал Радд. – Прежде всего выгода, остальное потом. Только круглый дурак портит товар, на который может сыскаться хороший покупатель.

– О чем ты говоришь? Ведь ты не работорговец! Ты не продашь меня как рабыню!

– Чтоб мне пропасть, ну и выдумала! Конечно, я не работорговец, но за тебя можно выручить много и не продавая в рабство.

– Что у тебя на уме?

Радд погрозил девушке пальцем.

– Нет, моя любопытная малышка, пусть это будет для тебя сюрпризом.

С этими словами он направился к двери.

– Прошу тебя... – Лилиа, сама того не желая, последовала за ним. – Скажи хотя бы, сколько ты намерен держать меня в этой... этой клетке!

– В клетке, говоришь?.. – злобно рассмеялся Радд. – Советую тебе поскорее привыкнуть к этой клетке, потому что ты проведешь в ней очень долгое время. Настолько долгое, что... кто его знает... возможно, ты даже не отвергнешь кое-каких знаков моего внимания. Чтоб мне пропасть, ты поймешь, что я не так уж плох!

* * *

Лилия проснулась от скрипа корабельной лебедки и оживленных мужских голосов. Легкое покачивание днища все усиливалось. Судно отходило от берега!

Девушка спустилась на пол. Короткий сон не освежил ее, а между тем врожденное чувство времени говорило, что уже наступил рассвет. Охваченная отчаянием, она с минуту барабанила в дверь, но никто не явился на стук, и Лилиа лишь расшибла кулаки о крепкие тиковые доски.

До этого момента она не позволяла себе предаваться отчаянию, но теперь скользнула на пол и заплакала.

– Моха, – наконец прошептала девушка, прощаясь со всеми, кто был ей дорог: с матерью, которую не надеялась больше увидеть, с Коа, навеки потерянным для нее, с подругами и с Мауи, ее родным островом.

Чтобы не поддаться боли, Лилиа заставила себя думать о счастливом прошлом, об отце, теперь уже мертвом, о том, каким он увидел остров, впервые ступив на него семнадцать лет назад...

Если верить словам Акаки, в 1802 году белый человек был редким гостем на островах. Должно быть, и местные жители поначалу казались странными Уильяму Монрою, выходцу из Англии. Однако он легко приспособился к новому окружению, и туземцы вскоре привыкли к нему. Когда Лилиа подросла, он сказал ей:

– Я родился не там, где следовало, и в неподходящее время. Здесь жизнь, для которой я создан. Здесь нет ни поместий, ни унылой обязанности управлять ими. Только свобода – свобода есть, пить, созерцать, любить. Поверь, дорогая, если бы я знал, что существует на свете этот рай земной, то открыл бы его для себя гораздо раньше!

О да, Уильям Монрой был создан для острова Мауи. Скоро он стал любовником Акаки, потом мужем, а затем отцом ее дочери. Поскольку Акаки была из рода вождей, ее мужу не приходилось выполнять никаких обязанностей. Он удил рыбу и охотился только для собственного удовольствия, но чаще плавал в лагуне, нежился на горячем песке, потягивал легкий алкогольный напиток околеу, занимался любовью с женой.

Почти все жители деревни любили этого обаятельного человека, не говоря уж об Акаки. Супруги не сходились лишь в одном. Уильям Монрой желал, чтобы дочь получила хотя бы основы образования белых людей и научилась их языку. Акаки не считала это необходимым, но он возражал, повторяя снова и снова:

– Единственное, что я могу сделать для Лилиа, – это научить ее всему, что знаю сам, а знаю я немало. Даже слишком много, при том что образование никогда не занимало меня.

– Зачем нашей дочери знания белых?

– Мой тропический цветок, они необходимы ей, ибо недалеко то время, когда белые придут и сюда. Как чума, они заразят своим присутствием ваши чудесные острова. Когда это случится, знание их языка принесет пользу Лилиа. Предоставляю тебе, Акаки, учить нашу дочь тому, что позволит ей стать кому-то хорошей женой, но позволь и мне внести свою лепту. Поверь, если в жилах течет кровь двух разных народов, полезно иметь понятие о каждой из культур.

Наконец Акаки уступила, как уступала всегда, поддаваясь неотразимому обаянию мужа, поэтому с десяти лет Лилиа, наделенная живым умом, проводила два часа в день с отцом, быстро схватывая и усваивая знания. Вскоре она овладела английским, получила представления о географии и истории. Уильям располагал лишь парой потрепанных книг: географией с отличными картами и историей становления английского государства с иллюстрациями, – но основным источником знаний были для Лилиа рассказы отца.

Уильям Монрой не касался только одной темы – прошлого. Не откликаясь на просьбы, он никогда не говорил о жизни в Англии. Со временем девочка поняла, что и мать знает об этом не больше, чем она. Повзрослев, Лилиа пришла к выводу, что отец скрывает какую-то тайну. Как-то раз она услышала обрывок разговора матери с заезжим ученым. В нем прозвучало слово «изгнанник». Именно так назвал отца Лилиа белый человек. Не зная смысла этого слова, Акаки попросила объяснений. Ее собеседник, английский антрополог, исследователь истории, обычаев и быта туземцев, сказал:

– Дорогая моя, как правило, это сын богатого знатного влиятельного человека, впавший в немилость и высланный из страны. Нет, не законом, а собственным отцом, не желавшим более терпеть его присутствие. Молодой человек отправляется, например, в Индию или на острова, где получает по почте ежегодное содержание от своего родителя при условии, что никогда больше не ступит на родную землю. Возможно, так случилось и с вашим супругом.

Сначала Лилиа с горечью решила, что отец совершил какой-то низкий, бесчестный поступок, однако потом изменила мнение. Белые тоже имели свои табу, хотя и непонятные для островитян. Возможно, отец нарушил одно из них. Позже она усомнилась и в этом, поскольку Уильям Монрой никогда не получал с родины не только денег, но и писем.

Впрочем, будь он и в самом деле изгнан из Англии, это не умалило бы любовь к нему Лилиа. Она обожала отца и тянулась к новым знаниям, хотя это отчасти отдаляло ее от других девочек-островитянок, изучавших лишь то, что могло пригодиться в будущей семейной жизни. Однако они, добродушные и терпимые, не ставили Лилиа в вину избыток знаний, что удивляло и радовало Уильяма Монроя.

– Поистине это странно, – однажды заметил он. – Мило, но странно. В любой так называемой цивилизованной стране, если юная леди выделяется из своего окружения знаниями или умом, на нее смотрят косо, а то и вовсе избегают общения с ней.

Как только урок заканчивался, девочку предоставляли самой себе. Ее подругам приходилось выполнять разного рода обязанности: например, помогать в приготовлении пищи. В жилах Лилиа текла царская кровь, и поэтому она располагала своим временем, вволю купалась, загорала, гуляла, надеясь однажды встретить того, кто станет ей сначала любовником, а потом мужем.

Коа был племянником Акаки. К тому моменту, когда Лилиа познакомилась с ним, большинство ее подруг уже обзавелись возлюбленными, как то предписывал обычай. Лилиа, пылкая и страстная, почему-то медлила, хотя у нее не было недостатка в поклонниках. Только в шестнадцать лет она встретила свою судьбу.

В тот день Коа впервые приплыл из своей родной деревни Лааина, и девушка поблагодарила судьбу за то, что не поспешила с выбором. Очень высокий, Коа был так хорошо физически развит, что брюшные мышцы, казалось, выпирали из тонкой мало, а широкая грудь и плечи казались могучими. Глаза его, бездонные и темные, напоминали глубь семи священных озер. Держался он с достоинством будущего вождя.

Струи водопада перенесли девушку из одного озера в другое, когда она заметила стройного и высокого Коа. Скрестив руки на груди, он стоял на выступе скалистого берега. Одно мгновение – и кровь Лилиа вспыхнула огнем.

Откинув мокрые пряди волос, девушка поплыла туда, где стоял красивый незнакомец. Он, казалось, ждал ее.

– Мое имя Коа.

– Я слыхала о тебе, куа апа, старший брат. Ведь ты племянник моей матери Акаки. Я – Лилиа.

– Я тоже много слышал о тебе, Лилиа.

Коа засмеялся весело и искренне, сверкнув ровными зубами, сияющими белизной на фоне смуглой кожи, и прыгнул в озеро. Вынырнул он поблизости от девушки.

Они плавали, ныряли и дурачились в воде, стараясь произвести впечатление друг на друга. И это удалось. В этот первый день они прониклись уважением друг к другу за то, что чувствовали себя в воде как рыбы.

Это был первый счастливый и безмятежный день для Лилиа за целый год, поскольку она очень тосковала по отцу (Уильям Монрой пал жертвой тропической лихорадки). Забыв обо всем на свете, Лилиа с готовностью пошла с Коа под сень деревьев.

Они опустились на мягкую траву на полянке между кокосовыми пальмами и хлебными деревьями. Тень от громадных листьев папоротника бросала на лицо Коа узор, подобный кружеву. Ветер доносил аромат цветов гибискуса, в ветвях ворковали птицы.

Сначала, как и в озере, молодые люди обменивались шутками, поддразнивали друг друга и дурачились, но потом юноша развязал узел, скреплявший капа Лилиа, и смех девушки умолк. Смуглые пальцы прикасались к ее груди, животу, бедрам, и постепенно пламя, дремавшее в крови девушки, разгорелось как пожар.

Не раз подруги беззлобно дразнили ее, называя запоздалой девственницей, но теперь она была счастлива, что не подарила свою невинность другому. Никому не отдалась бы Лилиа так охотно, так полно, с таким счастьем, как Коа.

Неопытная в искусстве любви, Лилиа, как и всякая островитянка, инстинктивно угадывала основы этого искусства. К тому же жители деревни Хана не знали стыдливости в обсуждении таких вопросов. На этот счет не существовало никакого табу. Близость считалась высшей формой любви, а значит, самым естественным. Сколько Лилиа себя помнила, она знала тайны интимного общения мужчины и женщины. Ей недоставало только личного опыта.

В объятиях Коа она усвоила то небольшое, что было еще скрыто от нее, впервые испытала блаженство физической любви. И без слов стало ясно, что, достигнув совершеннолетия, Коа женится на ней. Их родство, притом довольно близкое, не портило дела. Внутрисемейные браки укрепляли род повелителей, особенно когда речь шла о первом браке. Нередко отец женился на дочери, дядя – на племяннице, брат – на сестре, чтобы сохранить чистоту генеалогической линии. Так возникала коллективная мана, могучая духовная мощь вождей, считавшихся прямыми потомками богов, некогда сошедших с небес. Для простого островитянина, ка-нака-вале, брак с алии – человеком царской крови – был табу. Более того, его могли предать смерти за одно то, что он наступил на тень алии. Считалось также, что нельзя идти след в след или даже в отдалении за человеком царской крови, чтобы тем самым не уменьшить его ману и не навлечь несчастье на всю деревню.

Поскольку Лилиа и Коа оба принадлежали к роду вождей, их брак приветствовался и был почти предрешен, хотя, конечно, никто не стал бы неволить девушку, если бы она выбрала другого алии. Дети от такого брака должны были унаследовать власть, а совместная мана отца и матери давала им исключительную мощь духа.

Будь все иначе, то есть если бы Ааки родила сына, а родители Коа – дочь, ситуация в корне изменилась бы. По обычаям племени девушка тогда могла бы рассчитывать лишь на участь хайа-вахине – наложницы, но не жены. Теперь же Лилиа ожидала почетная и пышная брачная церемония. Узнав о любви дочери и племянника, Ааки захлопала в ладоши от радости.

– Чудесно, доченька! Сам Киа улыбнется, глядя с небес на детей своих. Из Коа выйдет сильный алии нуи, а ваш брак даст ему возможность постепенно стать повелителем всего Мауи! В честь такого могущественного вождя потомки ваших потомков будут слагать песни!

А потом случилось так, что Аакму, отец Коа и тогдашний алии нуи Лааины, попал в шторм в открытом океане и погиб. Человек он был сильный и выносливый, но, как видно, боги решили оборвать нить его жизни. Вождем стал Коа, нареченный Лилиа.

Вскоре после этого была назначена брачная церемония. Островитяне с нетерпением ожидали большого праздника, которым ей предстояло завершиться. Ходили слухи, будто сам

Камехаμεσα почитает церемонию своим присутствием, но Лилиа не верила им, так как знала от матери, что престарелый король серьезно болен и вряд ли может пуститься в далекое путешествие.

– Доченька, тебе незачем беспокоиться о церемонии, – сказала Акаки. – За этим при-
смотрим я, а вы с Коа пока наслаждайтесь жизнью.

Так молодые люди и поступили. Чистая светлая радость их любви была омрачена лишь однажды, за неделю до церемонии. Позже, вспоминая этот инцидент, Лилиа находила его как смешным, так и печальным. Пылкость юности заставляла их с Коа часто уединяться, чтобы снова и снова вкушать наслаждение в объятиях друг друга. В тот вечер они нашли маленький пляж, где и предались любви. Полная луна светила так ярко, что белый песок походил на снег, изредка покрывавший вершину горы Халеакала.

Юноша и девушка, поглощенные страстью, не расслышали приближающихся шагов, пока над ними не прозвучал голос чужеземца:

– Что за бесстыдство! Что за непристойное, гнусное поведение! Что за мерзость! И кто же это? Лилиа, будущая жена вождя! Какой пример подаешь ты своему народу!

Преподобный Исаак Джэггар, миссионер, уже полгода жил в Хана, безуспешно пытаясь обратить островитян в истинную веру. Над ним смеялись за глаза и в лицо, но Лилиа, дитя обеих культур, жалела его. Мрачный и угрюмый, он, казалось, не имел представления о радостях жизни, был слеп и глух к красоте мира. После отца Исаак Джэггар был вторым белым, которого Лилиа видела за семнадцать лет своей жизни. Эти двое отличались друг от друга больше, чем небо и земля, чем день и ночь.

Ничуть не стыдясь своей наготы, Лилиа и Коа поднялись.

– Разве ты не знаешь, Исаак Джэггар, что через неделю мы станем мужем и женой? – спросила Лилиа с достоинством.

Священник отвел взгляд от ее обнаженного тела.

– Это не значит, что вам позволено совокупляться во грехе! К тому же языческая церемония не сделает вас супругами в глазах Господа нашего. Только христианский брак наделит мужчину и женщину правом возлечь на ложе. Как духовное лицо, я готов освятить ваш союз... Это подаст добрый пример другим, и тогда...

– Нет, – спокойно, но твердо перебила его девушка. – Нашему народу ни к чему обряды и верования белых, и потому мы с Коа соединим свои жизни точно так же, как это сделали когда-то наши родители, как поступали наши предки от начала времен.

– Это всего лишь языческие суеверия, с ними надо покончить, – не унимался миссионер. – Потому-то я и здесь.

– Я не приму твою веру, Исаак Джэггар, – отрезала Лилиа.

– И я, – поддержал ее Коа. – Народ будет слушать своего вождя, а не белого чужестранца. Ни я, ни Лилиа не предадим веры своих предков.

– Слышишь, преподобный Джэггар? Почему бы тебе не покинуть остров? Мы не звали тебя сюда и не рады тебе. Островитяне смеются у тебя за спиной. С тех пор как ты уговорил Моану носить одежду белых, она выглядит нелепо, и ее избегают. Да и над тобой насмехаются за это.

Костлявое носатое лицо миссионера побагровело, глаза засверкали.

– Насмехаясь надо мной, вы смеетесь над Господом нашим, создателем всего сущего! Я исполняю его волю, Он говорит моими устами!

– Мы не смеемся над божеством, в которого ты веришь, – возразила Лилиа. – Только над тобой, преподобный. Если насмешки тебе не по вкусу, уходи туда, откуда пришел, и оставь нас в покое. – Она потянула юношу за руку. – Пойдем, Коа. Этот человек не ведает радости, не умеет смеяться и любить. Пойдем, пока он не заразил нас своим унынием.

Юноша и девушка пошли прочь.

– Есть только одна радость на бренной земле – быть христианином! Эта радость освящена Богом и угодна ему, а все остальное тлен и суета! Плотские утхи низвергнут вас в преисподнюю, несчастные! Вернитесь, я обещаю вам истинное и непреходящее блаженство, найти которое можно лишь в царстве Божьем! Покайтесь, пока не поздно!

Лилиа и Коа удалились, даже не обернувшись.

Глава 2

Провожая взглядом Эйзу Радда, уносившего Лилиа, преподобный Джэггар припомнил ночь, когда застал девушку в объятиях Коа под деревьями у самой кромки белого пляжа.

С тех пор прошло много дней, но миссионер словно воочию видел счастливые лица любовников, слышал их тихий смех. Для Исаака Джэггара то было грязное, бесстыдное, но и омерзительно-притягательное зрелище. Воспоминание о нем терзало его, а последующее унижение усугубляло муки. Вместо того чтобы устыдиться, Лилиа бросила ему вызов.

Когда копье Лопакки пронзило Коа, миссионер утвердился в мысли, что все к лучшему, и теперь, когда дурное влияние устранено, жители острова станут куда покладистее. Пройдет не так уж много времени, и новая паства волеется в лоно истинной церкви. К тому же Радд поклялся не причинять вреда Лилиа: сказал, что и волос не упадет с ее головы. Правда, Радд безбожник... Можно ли верить его клятвам?

Стоя над телом молодого вождя, глядя на лужу крови и торчащее копье, Джэггар оправдывал преступление тем, что, хотя церковь и проповедует кротость и милосердие, история христианства полна насилия. Что делать, если язычники не желают принимать христианство по доброй воле? Потворствуя насилию, Джэггар взял на душу грех, но грех этот простится ему ради высокой цели. Кровавые крестовые походы... но разве не получил отпущения грехов каждый, кто в них участвовал? То, что происходит, в своем роде крестовый поход, цель которого – остановить и покарать распутников. Чтобы принять истинную веру, в первую очередь нужно отказаться от радостей плоти. Плоть – лишь камень на шее, все беды идут от плотских потребностей.

Кому, как не Исааку Джэггару, не знать этого! Дух его крепок, но плоть слаба, слаба безмерно. Снова и снова она ввергала его в пучину греха. И все же, как бы часто ни нарушал Джэггар священный обет, он не сдавался и каждый раз заново боролся с грешной своей плотью.

Впервые он пал еще в Новой Англии. Там Джэггар довольно долго был безупречным служителем Божиим, имел обширный приход и знать не знал греха. Но вот умерла его жена Рут, и вскоре плоть возоблудала над духом. Одна из прихожанок Джэггара, аппетитная вдовушка, как-то дала ему понять, что она к его услугам, и священник не устоял перед искушением. После каждой тайной встречи он подолгу простаивал на коленях перед распятием, жестоко бичуя себя, но плоть его не смирилась. Джэггар постоянно вставал на путь греха, прекрасно сознавая, что рано или поздно его делишки выплывут наружу. Так и случилось. Лишенный сана, изгнанный из прихода, Джэггар не знал, что делать с собой.

Тогда много говорили о святой миссии обращения язычников. Рьяные служители церкви ждали массового похода миссионеров на Сандвичевы острова¹. Миссионерство показалось Джэггару спасительной путеводной нитью. Так он искупит свой грех, вернет приход, пылкими речами обратив в истинную веру толпы островитян. Поскольку санкции ему было не видать, Джэггар по собственной инициативе отправился на острова, мысленно называя себя предтечей будущего войска Христова. Ступив на белый песок острова Мауи, он дал клятву никогда больше не уступать низменным инстинктам.

Но он нарушил клятву уже через две недели. Видит Бог, намерения Джэггара были чисты! Виновата была порочная островитянка, молодая Моана, золотокожая языческая богиня.

На родине миссионер много слышал о распутных нравах островитян, а по прибытии был до глубины души шокирован видом нагих девушек, которые плескались в волнах прибоя в обществе юношей, не считая это постыдным. Но позже Джэггар понял, что у жителей Мауи

¹ Прежнее название Гавайев. –Примеч. пер.

есть свой кодекс поведения, в том числе интимного, и им позволено далеко не все, как он полагал вначале. Однако этого кодекса придерживались не все, включая Моану.

За первые две недели миссия Джэггара в Хана не увенчалась успехом. Его усилия встречались здесь без враждебности, но с полным равнодушием. Однако это не смутило пастыря.

Мало-помалу Джэггар решил, что темные силы стоворились испытать его, постоянно посылая искушения. Уже целый год он не прикасался к женщине, хотя и был в самом расцвете сил. В свои тридцать семь Джэггар сохранил здоровье, ел мало, совсем не пил и, казалось бы, мог успешно бороться с любым искушением. Однако в мягком климате Мауи желания обретали особую интенсивность. Все распалило их: и аромат экзотических цветов, и вид небольших крепких грудей островитянок, их золотистых ляжек, то и дело мелькавших в разрезе капа. Как ни молился Джэггар, как ни умерщвлял плоть, она лишь пуще вождела запретного плода.

Неудовлетворенная похоть превратила в ад его ночи. Потеряв сон, он бродил по белым пляжам, озаренным луной, пока не валился с ног от изнеможения. В такую-то ночь и подстерегла Джэггара дьяволица по имени Моана.

Это случилось недалеко от деревни. Из-за деревьев появилась женская фигура и заступила Джэггару дорогу. Как и все женщины, Моана носила лишь тонкую капа, и в свете луны миссионер хорошо видел ее округлые, красивые груди. Они почти касались его – так близко она подошла!

Ему показалось, что темные глаза девушки светятся в полумраке, когда она обратилась к нему на местном наречии. Джэггару легко давались языки, и он, уже освоившись в Хана, понимал островитян. Девушка сказала, что зовут ее Моана, что он первый белый мужчина, которого она встретила, и что она почтет за честь познать физическую радость со служителем белого бога.

– Оставь меня, прочь, искусительница! – в отчаянии вскричал Джэггар, теряя голову, так как желание клыками вгрызлось в его плоть. – Я дал обет не знать плотских утех и не нарушу его за все блага мира!

Моана только улыбнулась. Взяв его безвольную руку, она положила ее на свою теплую упругую грудь. Слова застряли у миссионера в горле. Он последовал за девушкой к ближайшей рощице, в густую тень, подальше от лунного света, но не от глаз Божьих! Под деревьями Моана развязала узел капа. Легкая ткань скользнула на траву. Глаза миссионера так и впились в темный треугольник волос в развилке ее бедер, все мысли о воздержании вылетели у него из головы.

Издав страдальческий стон, Джэггар сорвал с себя одежду. Голый, до предела возбужденный, он бросился к Моане. Та увлекла миссионера на траву и змеей обвилась вокруг него, приняв его измученную вожделением плоть.

Ощутив себя внутри жаркого, словно пульсирующего лона, миссионер забыл обо всем. Моана, воплощение плотского греха, отвечала толчком на каждый толчок, изгибалась дугой, отдавалась и брала, полностью превратив Джэггара в инструмент наслаждения. Лишь после финального спазма он отчасти избавился от наваждения, но тут обнаружил, что остался один. Дьяволица исчезла, оставив его опустошенным физически и морально.

Миссионер, дрожа, поднялся на колени и воздел сцепленные руки к небесам в беспросветном отчаянии.

– О Боже всемогущий! Отец небесный! Прости мне этот грех, ибо я противился ему сколько мог! Я порочен, грешен до мозга костей, но встану на путь искупления! Я не согрешу больше, на коленях в этом клянусь! Отныне благочестие станет моим единственным делом. Чтобы загладить грех, я удвою усилия на благо твое!

Увы, впоследствии он грешил снова и снова! Стоило только Моане попасться ему на глаза, Джэггар уступал соблазну и совокуплялся с ней. Он честно пытался противостоять греху: коленопреклоненно молился часами, произносил пылкие речи перед теми немногими, кто

соглашался его слушать, постился так долго, что изнурил себя даже больше, чем желал, превратившись в ходячий скелет. Однажды, полубезумный от голода и отчаяния, Джэггар вспомнил библейское изречение: «Если правый глаз твой искушает тебя, вырви его», – и чуть было не последовал ему. К счастью, он впал в голодное беспамятство раньше, чем искалечил себя.

Но все было тщетно – проклятая Моана имела над ним больше власти, чем молитвы. По иронии судьбы, как раз в тот момент Джэггар получил заказанную в Новой Англии партию платьев, известных под названием «Матушка Хаббард». Эти длинные серые бесформенные одеяния, наглухо закрытые у шеи и на запястьях, полностью скрывали фигуру. Такой наряд церковь находила единственным возможным для обуздания природного распутства островитян. Джэггару удалось убедить Моану надеть такое платье. Девушка сочла это эротической прихотью миссионера и согласилась. Он же надеялся, что ее примеру последуют другие.

Но и эта надежда не оправдалась. Пришлось сложить платья в сундук, где их вскоре покрыла плесень...

Громкие крики вернули миссионера к действительности. Это Лопака со своим отрядом выскочил из кустов и ворвался в толпу, окружившую тело Коа. Идея принадлежала меднокожему туземцу. Он считал, что смерть молодого вождя смутит и деморализует его подданных, сделав их легкой добычей. Лопака рассчитывал занять место Коа.

Однако вскоре Джэггар, внимательно наблюдавший за схваткой, понял, что затея не принесла ожидаемого результата. В своем самомнении Лопака не учел всеобщей любви к Коа. Подлое убийство привело воинов Хана в ярость. Горя жаждой мести, они теснили горстку приспешников Лопакки, и не вызывало сомнений, что вскоре те обратятся в бегство. Джэггар хорошо видел могучего Лопакку. Он дрался отчаянно, но исход сражения был предрешен.

Миссионер не на шутку испугался. Ближайшее будущее не сулило ему ничего доброго: разделившись с отрядом Лопакки, островитяне вполне могли обратить неутоленный гнев против единственного оставшегося на виду чужака – Исаака Джэггара. Ведь они знали о его встречах с Лопаккой.

Решив, что лучше временно отступить, чем потерять все, в том числе жизнь, миссионер в спешке покинул место событий и укрылся в роще. Он знал, что туземцы не злопамятны и великодушны. Во время сражения все видели Джэггара, значит, никто не свяжет его с похищением девушки. Через пару дней на острове снова воцарятся мир и покой. Лилиа и Коа уже не окажут ни на кого дурного влияния, и вот тогда пробьет его час.

Лопакка поразился, заметив, что в битве наступил перелом и удача отвернулась от него. Он попросту не учел такой возможности, ибо считал, что жителей Хана охватит паника и смущение после гибели вождя. И на то была причина. Когда Камехамеха стал королем Сандвичевых островов, народ понемногу утратил прежнюю воинственность – размяк, как говаривал Лопакка. Пример подавал сам повелитель, слишком добрый и мягкий. От былой славы и доблести не осталось и следа.

Так думал Лопакка, пока не убедился в обратном. Он и небольшой отряд его приверженцев были атакованы с яростью. Мало-помалу их оттесняли к пляжу.

Неистовый гнев захлестнул Лопакку. Как? Уничтожить Коа, захватившего власть, по праву принадлежавшую ему, и не добиться победы в каком-то жалком сражении, когда до цели рукой подать?! Лопакка скрежетал зубами, крушил всех, кто попадал под руку, устилал землю телами, но интуитивно догадывался, что все бесполезно. Затуманенные яростью глаза прозрели, и Лопакка увидел, что его отряд полностью перебит и он сражается в одиночку. Окончательно опомнившись, Лопакка понял, что вскоре разделит участь других. Зная, что есть только один выход, Лопакка решил прибегнуть к нему.

Внезапно отшвырнув боевой топорик, он бросился прочь. Началась погоня, но Лопакка имел очень важное преимущество перед преследователями. Ненавидя мир, долгие годы царив-

ший на островах, он самозабвенно тренировался на всякий случай. Лопака плавал и бежал часами, поэтому теперь мог бежать хоть всю ночь напролет без остановки. Другие островитяне ничем подобным не занимались, предпочитая спортивные соревнования и игры.

Место, куда Лопака держал путь, находилось на противоположном берегу острова и было обнесено высокими стенами. Пууюнуа, город-убежище, по преданию, основали боги, спустившись с небес на землю в незапамятные времена. В Пууюнуа брал начало род повелителей острова, вождей. Как прямые потомки богов, они имели право устанавливать законы, различные табу и править. Если табу нарушалось, виновник мог избежать наказания, лишь укрывшись за стенами Пууюнуа. Никто не смел коснуться его на земле, некогда освященной присутствием богов. Победенный воин, достигнув города, также находил там убежище.

Однако все было не так-то просто. Тот, кто нарушил табу, вызывал неудовольствие богов. В отместку за провинность они могли наслать на остров цунами, ураган или извержение вулкана. Проступок одного подвергал опасности весь народ. Убив виновника, люди отводили возможный гнев богов, а потому любой ценой старались помешать провинившемуся достигнуть города и обрести в стенах Пууюнуа неприкосновенность.

Впрочем, беглеца ожидали трудности и помимо преследования. Чтобы сделать священную землю еще более недоступной, вокруг города испокон веков селились кахуна – жрецы, умевшие общаться с богами, истолковывать подаваемые ими знаки, а значит, обладавшие великой мана. Пределы их обитания также были табу для простого островитянина. Стены города защищались с суши, так что попасть в него представлялось возможным только со стороны моря. Благодаря таким мерам лишь немногим послушникам удавалось спасти свою жизнь, проникнув в Пууюнуа.

Погоня мало беспокоила Лопак: он был уверен, что без труда оставит преследователей позади. Так и вышло. Не прошло и часа, как Лопака опередил их настолько, что уже не слышал сзади голосов. Однако опасность еще не миновала. В теплой южной ночи раздавался рокот барабанов, извещавший о приближении провинившегося. Язык барабанов, такой же выразительный, как человеческая речь, говорил о том, что на острове предательски убит вождь, а виновник бежит к городу, надеясь спасти свою жизнь. «Остановить его! Не дать укрыться в священных стенах! Пусть несет заслуженное наказание за свой проступок!» – гремели барабаны.

Лопака оскалил зубы в волчьей усмешке. Он хорошо понимал язык барабанов, но и не подумал ускорить бег. Впереди его ждал долгий путь, и успех зависел от того, сохранит ли он размеренный шаг.

Лопака понимал, что все обернулось бы хуже, не окажись почти все жители острова в эту ночь на брачной церемонии вождя. Лишь кахуна и стражи стен оставались на своих местах. Это означало, что на пути к городу он не встретит ни одной живой души, и да пребудут с ним боги!

Боги! Усмешка Лопак: стала шире. Он не верил ни в богов островитян, ни в белого Бога Исаака Джэггара. Лопака ничего не желал так сильно, как посеять семена раздора в среде островитян. Ради этого он и привлек Джэггара на свою сторону, пообещав ему помощь в обращении островитян в христианство, но заручившись при этом его поддержкой в борьбе за власть. Лопака и не думал сдерживать слово. Напротив, собирался выдворить обоих белых с острова, как только воцарится, и запретить им являться впредь.

Так же мало верил Лопака и в богов своего народа. Вера прощительна для ребенка, но не для зрелого воина. Раз островитяне верят в богов, значит, их разум не выше, чем у детей.

Таким народом легко управлять. Сильный вождь без труда подчинит такой народ своей воле. Лопака и есть этот сильный вождь, бесстрашный военачальник. С ним изнеженные островитяне снова станут настоящими воинами. Захват власти Лопака рассматривал как первый шаг в осуществлении своих планов. Сплотив и физически закалив своих воинов, он триум-

фально прошествует по всем островам, свергнет старого Камехамаху и станет королем, каких еще не видел мир.

Но тут в приятный ход мыслей Лопакі вторглись воспоминания о недавнем бое и непредвиденном поражении, и улыбка его померкла. Только теперь он понял, что слишком поспешил и к тому же недооценил сторонников Коа. Безрассудно пожертвовав отрядом, Лопакі остался один. Теперь придется все начинать сначала: вербовать сторонников, муштровать их – а ведь это заняло у него без малого два года! Все сначала, подумать только!

Настроение Лопакі безнадежно испортилось. Когда наступил рассвет, перед ним открылась мрачная, но прекрасная картина: побережье, усеянное обломками черных скал, некогда сожженных потоками лавы. Волны прибоя с ревом обрушивались на них, вскипая пеной, но снова и снова острые камни скалились из-под воды, словно зубы подводного чудовища. Чуть в стороне вздымались крутые утесы, прорезанные узкими трещинами сырых ущелий. Водопад низвергался со скалы, чтобы внизу, разделившись на отдельные потоки, пробраться сквозь прибрежные джунгли к морю.

Когда впереди показались стены Пууюнуа, Лопакі замедлил шаг, а потом и вовсе остановился. Долгий непрерывный бег утомил его, широкая грудь вздымалась, легкие резало.

Только теперь воин понял, почему за все время пути не встретил никого, даже кахуна. Все, кто был поблизости от города, собрались у его стен, чтобы не дать Лопакі проникнуть внутрь. Каждый держал в руках оружие. У Лопакі не оставалось и шанса в неравной борьбе.

Лопакі усмехнулся, ничуть не испуганный. Вчера он недооценил сторонников Коа, зато сегодня они недооценили его, поскольку не приняли никаких мер, чтобы преградить ему путь к морю. Они считали, что никому не достигнуть убежища с моря. Ревущий прибой подхватывал смельчака, играл им как щепкой и, наконец, швырял на острые зубцы скал, где он и находил свою гибель. Это была почти неприступная линия обороны, созданная самой природой.

Лопакі быстро приблизился к кромке скалистого берега, едва взглянув на бурные воды внизу. Повернувшись к тем, кто преграждал путь в город, он поднял сцепленные руки и криком бросил им вызов, заглушенный ревом прибоя. Мгновением позже Лопакі красивой дугой исчез в волнах.

Вода здесь была ледяной из-за впадавшего в море потока с гор. Разгоряченный Лопакі ушел глубоко под воду и с трудом вынырнул: течение увлекало его все глубже. На поверхности за дело взялся прибой, так и норовивший бросить дерзкого пловца на рифы. Долгое время Лопакі казалось, что он кружит на месте и у него едва хватает сил на борьбу с волнами, однако мало-помалу миновал область прибоя и оказался в сравнительно спокойных и более теплых водах. К тому времени Лопакі так устал от борьбы со стихией, что лег на спину, надеясь отдохнуть.

Наконец воин снова двинулся вдоль береговой линии. И вот перед ним возник Пууюнуа, город-убежище. Со стороны моря строители не защитили его стенами, положившись на постоянный прибой и зловещие черные скалы у берега.

Лопакі позволил волне подхватить его и высоко поднять на своем гребне, набрал в легкие воздуха и нырнул. Подводное течение тотчас увлекло и понесло его, бросая из стороны в сторону. Сопrotивляться ему было невозможно, оставалось лишь держать глаза открытыми и по возможности уворачиваться от рифов, так как дно здесь сплошь состояло из них. Оплошность грозила неминуемой гибелью. Когда течение хоть отчасти ослабевало, воин помогал себе руками и ногами, с трудом пробираясь в лабиринте скал.

Внезапно все кончилось. Его выбросило на каменистый, но довольно ровный берег. Несколько минут Лопакі не двигался и как рыба хватал ртом воздух. Ему пришлось изо всех сил держаться за выступ скалы, чтобы волны, раз за разом ударявшие в берег, не увлекли его за собой назад в море. Оправившись и встав, Лопакі устремился к городу неровным шагом смертельно усталого человека.

По пути он осознал, что растянул связки в одной лодыжке. Теперь Лопака оказался лицом к лицу с теми, кто жил в святилище, и все они смотрели на него. Предстояло одолеть последний этап на пути к спасению.

Стараясь не прихрамывать, Лопака направился к собравшимся широким уверенным шагом, как подобает будущему вождю. Толпа расступилась перед ним. Не удостоив ее взглядом, воин прошел прямо к хижине верховного кахуна, выстроенной на каменной платформе.

Жрец – высокий худой старик с редкими белыми прядями – появился на пороге и бесстрастно ждал, пока приблизится незванный гость. Длинные тонкие руки он скрестил на груди.

– Мое имя Лопака. – Воин остановился перед ним.

– Мне было известно о твоём возможном приходе, – холодно отвечал жрец.

– Я ищу здесь убежища.

– Это твоё право. Закон гласит, что жизнь любого, кому удалось проникнуть в Пууюнуа, неприкосновенна. Так тому и быть. Желает ли ты пройти очищение?

– Да.

– Это также твоё право.

Повинуясь жесту старого жреца, Лопака опустился на колени и низко склонил голову. Кахуна начал долгую церемонию очищения от вины за совершенный проступок, но воин не слышал ни слова из древних заклинаний, смысл которых давно утратили непосвященные. Лопака знал, что этот последний этап окончательно изнурит его, так как продолжится чуть ли не сутки. После этого человек, нарушивший табу, считался заново рожденным и должен был уйти. Победенный воин, однако, имел привилегии. Ему позволялось оставаться в городе до тех пор, пока не заживут его раны и он не будет в силах покинуть священную землю.

Эта мысль заставила Лопакку мысленно усмехнуться. Он решил задержаться здесь, пока ярость сторонников Коа не утихнет. Воин понимал, что это случится скоро, потому что островитяне – народ добродушный. К тому же им будет попросту не до мести, так как они будут заняты избранием нового вождя. Он же завербует тем временем новый отряд, хорошенько вымуштрует его, а через год-другой нападет на того, кто займет место Коа.

Лопака многому научился в этот раз и уже не позволит себе недооценить противника, да и противник будет иной. Со смертью Коа и исчезновением Лилиа правящая династия острова неминуемо придет в смущение и растерянность. Нового вождя выберут из стариков или подростков, что сыграет Лопакке на руку.

Его время еще настанет.

Поначалу Акаки не поверила своим глазам, когда копье пронзило Коа и молодой вождь начал оседать на землю. Это зрелище вызвало в ее памяти иные времена – те, когда военные столкновения происходили на Мауи часто. Проталкиваясь к поверженному Коа, Акаки искала глазами дочь.

Увидев, что юноша мертв, Акаки пришла в ярость. Она забыла обо всем, кроме мести. Когда из зарослей, окружавших территорию для брачных церемоний, появился отряд с Лопаккой во главе, она издала вопль ненависти и гнева и бросилась навстречу, словно надеясь предотвратить нападение. Заметив это, воины Коа опомнились, заслонили собой Акаки, и вскоре завязалось настоящее сражение. Оттесненная назад, она все же видела происходящее благодаря своему высокому росту. Если бы могла, Акаки вступила бы в бой, потому что сразу поняла, чья рука метнула копье в Коа. Лопакка, недовольный своей судьбой, давно мечтал завладеть плащом вождя Хана.

– Сражайтесь, воины! – закричала Акаки, и ее сильный голос перекрыл шум сражения. – Не дайте уйти живым убийце Коа, подлому предателю Лопакке! Он спит и видит себя вождем Хана, но что ждет подданных такого вождя? Лопакка зальет остров кровью, ненависть и зло воцарятся здесь вместо добра и мира! Женщины! Не стойте в стороне, берите палки и камни

– все, что подвернется! Пусть Лопака знает, что мы не хотим такого вождя! Лучше смерть, чем его власть!

Ее неистовая ярость нашла отклик в сердцах островитян. В приспешников Лопакки полетели камни. Акаки, как тигрица, набросилась на зазевавшегося воина Лопакки, царапая и пиная его. Когда отряд, изрядно поредевший, начал отступать, женщина велела барабанщикам двигаться следом за ним, выбивая непрерывное послание жрецам на случай, если кто-то из побежденных решит искать убежище в Пууюнуа. Более всего она не желала, чтобы туда добрался сам Лопакка. Он не из тех, кто честно погибнет в бою, его змеиное сердце не упустит шанса на спасение, а церемония очищения навсегда снимет с него все обвинения. Покинув город живым и невредимым, он неминуемо вернется и снова начнет мутить воду.

Когда сражение закончилось и барабанщики последовали за единственным оставшимся в живых к городу-убежищу, Акаки почувствовала смертельную усталость после страшного напряжения – ведь она была уже не первой молодости. В полном изнеможении лежала Акаки в хижине целый час, а очнувшись, первым делом подумала о дочери и удивилась тому, что Лилиа не попадалась ей на глаза с самого убийства Коа. Поначалу Акаки предполагала, что девушка оплакивает где-нибудь смерть возлюбленного, ничего не зная о разыгравшейся битве. Однако поиски дочери ничего не дали, и Акаки не на шутку встревожилась. Когда же одна из женщин припомнила, что видела, как Эйза Радд увлек ошеломленную Лилиа под деревья, Акаки и вовсе пришла в ужас.

Ее охватили самые дурные предчувствия. Она знала, что судно белых два дня назад бросило якорь в одной из бухт. К удивлению островитян, экипаж не сошел на берег даже для того, чтобы пополнить запасы питьевой воды. Это было то самое торговое судно, что несколько недель назад доставило сюда Радда, а потом отправилось дальше по островам. Теперь оно два дня стояло на якоре в бухте. Поскольку белые всегда проявляли странности, о нем забыли в горячке приготовлений к свадьбе.

Акаки поспешила к бухте, инстинктивно догадываясь, что искать нужно именно там. Солнце уже вставало, когда глазам ее открылась пустынная океанская гладь. Судно белых исчезло.

Акаки опустилась на песок и закрыла лицо руками.

– Зачем? – повторяла она сквозь слезы. – Зачем Эйза Радд похитил тебя, доченька?

Акаки ничуть не сомневалась в том, что это его рук дело. Цели похищения она не понимала, но с первого взгляда не доверяла Радду, казалось, источавшему запах зла. Акаки пожалела, что не удосужилась расспросить о нем: возможно, ей удалось бы узнать, зачем он появился на острове. Все дело в том, что островитяне привыкли доверять людям. Каждый, кто ступал на землю Мауи, считался гостем, ему были рады и не лезли в душу, довольствуясь тем, что человек ведет себя мирно и не доставляет неприятностей. Только серьезные причины заставляли жителей Мауи проявлять враждебность к чужестранцу. К несчастью, порой оказывалось уже слишком поздно.

Акаки долго еще размышляла. Возможно, она ошиблась и Эйза Радд просто бежал с острова, не желая стать случайной жертвой столкновения, а Лилиа скрылась в горах, охваченная горем, и не желает никого видеть, даже мать. Чего ради кому-то увозить ее с острова?

Эта мысль вдохнула в Акаки надежду, и она поспешила в деревню, чтобы возобновить поиски дочери. Там ее ожидало еще одно неприятное известие: из Пууюнуа, все так же при помощи барабанов, было передано, что Лопакке удалось туда проникнуть. Акаки, слишком тревожась за дочь, не приняла это близко к сердцу. Сейчас Лопакка ее ничуть не интересовал.

В окрестностях деревни были обысканы все укромные уголки. Жители обследовали все любимые места Лилиа, в том числе семь священных озер и прилегающие к ним скалы. Мало-помалу они ни с чем возвращались в деревню. Последней, едва волоча ноги от усталости, пришла Акаки. Теперь уже стало ясно – Лилиа бесследно исчезла.

К вечеру деревня заволновалась снова, на этот раз из-за безвластия. Островитяне не представляли себе жизни без вождя.

Но кто займет место Коа? Воины, преследовавшие Лопаку, тоже вернулись, но такие усталые и угнетенные, что не могли принять участия в обсуждении будущего. Считая вопрос насущным, Акаки заставила себя задуматься о нем немедленно.

Вообще говоря, проблем было две. Лопака ускользнул от преследователей и теперь, без сомнения, проходил в Пууюнуа церемонию очищения, которая позволит ему жить дальше как ни в чем не бывало. Наверняка он уже разрабатывает план, как собрать под свое крыло других недовольных и изменить тактику в будущем, чтобы заполучить власть. «Такие, как он, не сдаются, пока живы», – с горечью решила Акаки. У нее даже мелькнула мысль устроить засаду на Лопаку, дожидаться, пока он выйдет из города, и убить, но она знала, что островитяне не согласятся нарушить обычаи, даже если от этого зависит их будущее.

Другой проблемой было безвластие. Оно не могло длиться долго, ведь островитяне не мыслили себе жизни без вождя. Испокон веков ими повелевали, они же повиновались с радостью. Безвластие означало хаос, однако большинство потомков рода повелителей еще не достигли совершеннолетия. Из старших оставались лишь сама Акаки и старик по имени Наи, человек большого ума. Но ведь вождь должен быть крепок и физически, а Наи – калека, едва способный передвигаться. Несколько лет назад он попался в зубы акуле и сильно пострадал. Жены и детей Наи лишился еще раньше и теперь находился на попечении всей деревни.

Жители собирались группами и обсуждали дела. Раз никого, кроме Наи, нет, ему и быть вождем, говорили все.

Поздно вечером Акаки заглянула в хижину Наи. Очень встревоженный, он лежал на свежей плетеной циновке.

– Я знаю, зачем ты здесь, Акаки. – Наи беспомощно повел искалеченной рукой. – Мне передали, что говорят в деревне. Но как же я стану править? От меня осталась только половина!

– Ты прав, Наи, – спокойно отозвалась Акаки, уже составившая план действий. – Аши должен быть силен и крепок, он не может править из хижины.

– Но как же нам быть? Ведь из всей линии только ты и я в зрелых годах...

– Значит, я и буду вождем. – Акаки поднялась. В свете масляной лампы она казалась высокой и сильной, под стать мужчинам. – Я так решила, потому что выхода нет, а люди нуждаются в вожде. Я буду править мудро и справедливо, клянусь. Согласен ли ты, Наи, с моим решением? Или выступишь против?

Посмотрев на нее, старик покачал головой:

– Нет, Акаки, я не буду против. Никто не откажет тебе в праве стать вождем, раз никого другого нет. Но каковы будут тайные мысли твоих подданных? И сможешь ли ты противостоять Лопাকে, если он предъявит права на власть?

– Его права сомнительны, и все это знают, к тому же людям нужен мир, а не война. Что до меня, Наи, я сделаю все, чтобы Лопака никогда не получил плащ вождя!

На другой день утром Акаки объявила о намерении принять бремя власти на свои плечи. Как она и предполагала, никто не высказался против. Коротко обрезав волосы в знак траура по Коа и печали по Лилиа, Акаки проводила все свободное от дел время в одиночестве, на людях же была приветлива и весела. Каждый вечер, когда солнце опускалось низко над океаном, Акаки уходила к бухте, откуда уплыла в неизвестном направлении ее дочь. До самой темноты она сидела на белом песке, не сводя взгляда с горизонта и надеясь, что там появятся паруса.

Глава 3

День шел за днем, и они походили один на другой, как капли воды. Постепенно Лилиа начало казаться, что она всю свою жизнь провела в душной, вонючей, едва освещенной масляной плоской каюте и никогда не ощущала под ногами твердую землю.

Ее поддерживали воля к жизни и жажда мести. В первый же день Лилиа поклялась себе вернуться в Хана и отомстить за смерть любимого.

Дважды в неделю после заката солнца Эйза Радд приходил за девушкой и выводил ее на палубу, где Лилиа проводила час или два, в зависимости от настроения своего тюремщика, и пряталась только при звуке шагов. По ночам весь экипаж судна, кроме вахтенного, спал в своих гамаках. Матросы ничего не знали о пленнице. Эйза Радд состоял в сговоре только с капитаном.

Выводя девушку на прогулку в первый раз, он злобно прошипел:

– Не думай, что это моя идея, принцесса! По мне, ты не заслуживаешь такой роскоши, но капитан твердит, что без свежего воздуха ты, видите ли, зачахнешь.

Радд не переставал приставать к Лилиа, и стычки с ним стимулировали ее волю. Она считала его самым отвратительным созданием, какое когда-либо встречала. Однако девушка старалась не злить своего тюремщика, зная, что он жесток и мстителен. Обозлившись, Радд мог попросту уморить ее голодом.

Смерть не пугала Лилиа, тем более что она догадывалась о гнусных планах Радда. Куда бы он ее ни вез, ничего хорошего это не сулило.

Однажды Радд принес ей в обычное время миску еды. Заглянув в нее, Лилиа увидела кусок тухлого вареного мяса. Вскрикнув от отвращения, девушка отшвырнула миску.

– Что это? В Хана таким не кормят даже свиней!

– Не советую воротить нос, принцесса, другого все равно не получишь. Здесь тебе не Мауи, а открытое море. Может, тебе налить из общего котла? Чего захотела! Моряки в поте лица добывают свой хлеб и ром, а от тебя никакого толку. Целый день полеживаешь на боку да еще всем недовольна. – Помолчав, Радд подмигнул Лилиа. – Хотя, конечно, я мог бы и расщедриться, будь ты со мной поласковее. Сама посуди: я плачу за твой проезд из своего кармана. Какой мне резон платить больше? Ну что? Услуга за услугу?

Он бочком начал приближаться. Девушка пятилась, пока не прижалась спиной к стене.

– Держись от меня подальше, Эйза Радд, иначе я закричу во весь голос, кто-нибудь услышит и придет.

– Как же, придет! Ну, услышат тебя, обратятся к капитану, а он скажет, что это не их ума дело, раз проезд оплачен. Я плачу, – значит, и ставлю условия; так-то, девочка.

Радд все приближался. Лицо его покраснелось, нижняя губа отвисла, дыхание участилось. Наконец он оказался так близко, что Лилиа чувствовала его несвежее дыхание и вонь застарелого пота.

Не встретив сопротивления, Радд стиснул ее правое запястье. Его свободная рука легла на грудь. Девушка рванулась, но, к ее удивлению и испугу, Радд оказался сильнее. К тому же он разозлился и так стиснул ей грудь, что на глаза навернулись слезы.

– Не трепыхайся, а то хуже будет! – со злобной насмешкой прошипел он. – Строишь из себя недотрогу, как будто я не знаю, что вы, туземки, готовы раздвинуть ноги для каждого встречного-поперечного.

– Только если мужчина нам по душе! Ни одна девушка не отдается тому, кто ей ненавистен!

– Ненавистен, вот как? Я тебе покажу – ненавистен!

Радд так стиснул грудь Лилиа, что от боли у нее помутилось в глазах, и это позволило мерзавцу опрокинуть ее на пол.

Придавив ноги девушки коленом, а грудь локтем, он начал дергать узел капа. Ткань треснула, Радд сорвал и отбросил ее, а затем раздвинул Лилиа ноги.

– Теперь мы посмотрим, кому отдаются туземные девки! Лежи и получай удовольствие, моя разборчивая принцесса.

Лилиа забилась со всем отчаянием обреченности, но перевес был явно на стороне насильника. Побагровевший Радд тянулся к ней мокрыми губами. Глаза его остекленели от вожделения.

Вклинившись между ногами девушки, Радд начал расстегивать брюки. Ему пришлось убрать руку с груди Лилиа. Жадно глотнув воздуха, девушка изо всех сил рванулась в сторону, почти сбросив с себя насильника. Отведя ногу, она с размаху всадила колено ему в пах. Радд завопил от боли и обмяк. Теперь уже не составило труда оттолкнуть его.

Девушка схватила свою капа, вскочила и прикрыла наготу. Зажав руками пах, Радд поднялся на колени.

– Я тебя предупреждала, – процедила она. – Запомни, Радд: что бы ты ни делал, я не покорюсь!

– Проклятая желтая сука! До сих пор я обходился с тобой мягко, но за это... за это тебе не поздоровится!

Двое суток не поворачивался ключ в двери каюты, двое суток не появлялся Эйза Радд. Запах от помойного ведра стал невыносимым, Лилиа ослабела от голода и жажды.

Несколько раз девушка приближалась к двери, но уходила, так и не постучав, не желая признать себя побежденной. К тому же Лилиа сомневалась, что Радд уморит ее голодом. Почему-то она представляла для него ценность, а он был скаредный и жадный..

По истечении вторых суток послышался скрежет ключа. Лилиа тотчас поднялась. За время плавания она потеряла в весе, а теперь еще и ослабла, но встретила своего тюремщика с высоко поднятой головой. Он принес ведро воды и миску с едой.

– Фу, ну и смердит здесь! – Радд поморщился. – Чтоб мне пропасть, сроду не нюхал такой вони! Вот тебе вода, вымойся, а этим можешь набить свой пустой живот.

Ей хотелось наброситься на пищу, но Лилиа не двинулась с места, чтобы Радд не заметил, как она слаба.

– Спасибо, – с достоинством промолвила она.

– Не благодари. Ты для меня не человек, а только имущество, в которое вложены денежки.

Радд поставил миску и ведро на пол, подхватил помойную жестянку и исчез за дверью. Едва его шаги затихли в коридоре, Лилиа накинулась на еду. Первым делом она напилась. Вода застоялась, как и случается в долгих морских путешествиях, но была лучше прежней. Утолив жажду, девушка приступила к еде. Вместе с сытостью пришла дремота, и Лилиа через силу заставила себя вымыться.

После этого случая время снова потянулось однообразно. Раз в день появлялся Радд с миской и ведром. От такого рациона девушка исхудала. К счастью, прогулки по палубе тоже возобновились.

Однако Радд больше не пытался насиловать Лилиа. Более того, он почти не разговаривал с ней. Наконец настал день, когда он явился не с одним, а с двумя ведрами воды, и притом теплой. Пораженная Лилиа даже не спросила, что это означает. В несколько заходов Радд принес деревянную лохань, обмылок, ветхое полотенце и приличную еду, тоже в двух мисках, а затем и ворох одежды.

– Завтра поутру мы будем там, куда держим путь, – сообщил он. – Это не какой-нибудь паршивый остров, так что придется тебе прикрыться, принцесса.

– Я ни за что не надену платье, которое Исаак Джэггар назвал «Матушкой Хаббард»!

– Вздор! Я принес тебе нормальную одежду. В такой ходят женщины там, куда мы плывем. Так положено, и нечего упрямиться. Если ты вздумаешь расхаживать по улицам, трясая голой грудью, поначалу все сбегутся, а потом ты очутишься в тюрьме и узнаешь, что такое настоящая клетка. Чтоб мне пропасть, уж я-то знаю, посидел свое!

– Но я не могу носить такое... такое одеяние!

– Сможешь как миленькая! И смотри, не очень долго раздумывай, а то позову парочку дюжих матросов, они тебя быстренько запихнут в это платье вверх ногами! Или... – Радд гнусно ухмыльнулся, – или они тебя подержат, а я одену. Что тебе больше по душе? Учти, эти ребята не видели женщин долго, очень долго, едва ли они совладают с собой. Ну все! Завтра утром, когда пришвартуемся, чтоб была одета и обута, ясно?

Он собирался уйти.

– Постой! Куда мы прибываем? Что это за страна?

– Это Англия, девочка, старая добрая Англия. Лондон, если уж быть точным. Тебе там понравится, чтоб мне пропасть! В этом городишке столько диковин, что и не снилось на твоём куске земли.

Он ушел, оставив девушку наедине с грудой одежды. Она приблизилась, посмотрела на странные детали, потом подняла верхнюю, повертела и снова бросила.

Совсем иные мысли занимали Лилиа сейчас. Англия! Страна, где родился ее отец, где он долгое время жил! Как странно, что Радд доставил ее именно сюда. Вопреки всему, девушка усмотрела в этом совпадении хорошее предзнаменование. Так и не зная планов Радда на свой счет и опасаясь их, она все же испытала радостное волнение при мысли, что окажется в стране, которую мечтала увидеть.

Подумав об этом, девушка снова вернулась к вороху одежды.

Длинное, до пят, платье. Какие-то необъятные юбки. Вероятно, их следует надевать вниз, чтобы платье было пышным. Пара чулок. Еще какие-то предметы и, наконец, самое ужасное – одежда для ног, или обувь, как называл это отец. Такая узкая, что кажется невозможным вставить туда стопу, не то что двигаться в этом.

Однако Лилиа понимала, что выбора нет и ей придется надеть все это. Между тем она понятия не имела о назначении отдельных деталей, не знала, как приспособить их. Не обращаться же за помощью или советом к Радду! Боже, в какие крохотные колодки ей предстоит всунуть ноги! А ведь она никогда в жизни не носила обуви.

Долго сидела девушка над одеждой, перебирая ее, размышляя, что надеть сначала, а что потом, и куда именно.

Рано утром ее разбудила перекличка матросов на верхней палубе. Голоса были громкими и радостно-возбужденными, движение судна быстро замедлялось, и, наконец, с плеском упал в воду якорь.

Накануне девушка так и улеглась в одежде, страшась даже мысли о том, что утром еще раз придется пройти через ритуал сложного облачения. Невероятное количество предметов туалета стесняло и затрудняло движения. Прежде Лилиа и не предполагала, что можно чувствовать себя так неудобно и неестественно. Все детали одежды болтались на ней, кроме башмаков, которые, напротив, были очень тесны. К тому же от платья и прочего исходил неприятный запах плесени.

Вскоре раздался привычный скрежет ключа. Радд быстро вошел в каюту, но, увидев Лилиа, замер и приоткрыл рот. Очевидно, не ожидал, что островитянка справится со сложным нарядом белой женщины.

– Хм... надо же, ты все это надела... хм... чтоб мне пропасть, у тебя какой-то... какой-то совсем другой вид!

Ли́лиа выжидающе посмотрела на своего тюремщика. Отвесив шутовской поклон, он сделал жест в сторону двери.

– После вас, мисс!

Девушка вышла наконец за порог своей тюрьмы. Ноги у нее подгибались: каблучок был хоть и низкий, но неустойчивый.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.